100 РОЖЕВА

МОЖ НО

Татьяна 100 Рожева

Можно (сборник)

«Автор»

2013

100 Рожева Т.

Можно (сборник) / Т. 100 Рожева — «Автор», 2013

Каждый мужчина знает – женщину можно добиться, рассмешив ее. Поэтому у мужчин развито чувство юмора. У женщин это чувство в виде бонуса, и только у тех, кто зачем-то хочет понять, что мужчина имеет в виду, когда говорит серьезно. Я хочу. Не все понимаю, но слушаю. У меня есть уши. И телевизор. Там говорят, что бывают женщины – носить корону, а бывают – носить шпалы. Я ношу шпалы. Шпалы, пропитанные смолой мужских историй. От некоторых историй корона падает на уши. Я приклеиваю ее клеем памяти и фиксирую резинкой под подбородком. У меня отличная память. Не говоря уже о резинке. Я помню всё, что мне сообщали мужчины до, после и вместо оргазмов, своих и моих, а также по телефону и по интернету.Для чего я это помню – не знаю. Возможно для того, чтобы, ослабив резинку, пересказать на русском языке, который наше богатство, потому что превращает «хочу» в «можно». Он мешает слова и сезоны, придавая календарям человеческие лица.Град признаний и сугробы отчуждений, туманы непониманий и сумерки обид, отопительный сезон всепрощения и рассветы надежд сменяются как нельзя быстро. Как быстро нельзя…А я хочу, чтобы МОЖНО!Можно не значит – да. Можно значит – да, но…Вот почему можно!

© 100 Рожева Т., 2013
© Автор, 2013

Содержание

Почему можно 5
Пихалыч 6
Уголовник 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

100 Рожева
Можно

Почему можно

Каждый мужчина знает – женщину можно добиться, рассмешив ее. Поэтому у мужчин развито чувство юмора. У женщин это чувство в виде бонуса, и только у тех, кто зачем-то хочет понять, что мужчина имеет в виду, когда говорит серьезно. Я хочу. Не все понимаю, но слушаю. У меня есть уши. И телевизор. Там говорят, что бывают женщины – носить корону, а бывают – носить шпалы. Я ношу шпалы. Шпалы, пропитанные смолой мужских историй. От некоторых историй корона падает на уши. Я приклеиваю ее клеем памяти и фиксирую резинкой под подбородком. У меня отличная память. Не говоря уже о резинке. Я помню всё, что мне сообщали мужчины до, после и вместо оргазмов, своих и моих, а также по телефону и по интернету.

Для чего я это помню – не знаю. Возможно для того, чтобы, ослабив резинку, пересказать на русском языке, который наше богатство, потому что превращает «хочу» в «можно». Он мешает слова и сезоны, придавая календарям человеческие лица.

Град признаний и сугробы отчуждений, туманы непониманий и сумерки обид, отопительный сезон всепрощения и рассветы надежд сменяются как нельзя быстро. Как быстро нельзя…

А я хочу, чтобы МОЖНО!

Можно не значит – да. Можно значит – да, но…

Вот почему можно!

Ваша 100 Рожева

Пихалыч

– У меня к тебе предложение…, – сказала моя бывшая начальница Марина, пока заваривался чай.

Начальница была бывшая, а чай настоящий – с мятой, малиной и смородиновым листом. Марина обожала «гонять чаи». Об этом знали все, и несли ей коробки и банки с чаем, которых за трудовую жизнь накопилось на целый шкаф.

«Плохой человек хороший чай подарить не может», – утверждала Марина, безошибочно определяя людей по качеству принесенного ими чая. Она пила только обжигающе горячий и шутила: «в аду у меня наконец-то всегда будет кипяток!»

Мы уже не работали вместе, но дружили, и я часто заезжала к ней «на чай».

– Какое предложение? – Сунула я нос под крышечку заварочного чайника.

– Рано, рано! Пусть еще настоится! Предложение деловое! Собственно, не у меня, а у моего хорошего знакомого. Он дозрел живописать «житие свое», попросил меня найти помощницу. Я рекомендовала тебя, как лучшую журналистку Москвы.

– Марин…, – скривилась я, – чего уж там Москвы– то? Вселенной и окрестностей!

– Я знаю, что говорить! Я пятнадцать лет в театральном журнале оттрубила! Там с этим строго! Гением не назовешь – с тобой никто даже разговаривать не станет! – Марина хитро подмигнула. – Шучу, шучу, ты знаешь, как я к тебе отношусь. В общем, этот мой знакомый из тех времен. Он еще в девяносто лохматом году деньги давал «на искусство». Сам из технарей, но таких, знаешь, которым нравится чувствовать себя немножко богемой, хоть рядом потереться. Нет, он, правда, помогал всегда. Этого не отнять. За это печатал у нас в журнале свои опусы. Средненькие, прямо скажем. Откуда у него деньги, честно, не вдавалась никогда. Тогда за лишние вопросы можно было и схлопотать. В общем, я пообещала, что поговорю с тобой. А ты смотри сама. Если тебе это в принципе интересно, он готов.

– В принципе, конечно интересно. А сколько ему лет?

– Ой.… Сейчас…ну за семьдесят уж наверняка. Мы давно не виделись. Я даже голос не сразу узнала по телефону.

– Так он для этого звонил?

– Я поняла, что да. Сначала – как здоровье, как сама, чувствую, чего-то надо. Я так в лоб и спросила – чего тебе надобно, старче? Он засмеялся – сто лет прошло, говорит, а интуиция у тебя все та же. Ну и рассказал: стареет, мол, зрение портится, память уже не та, то спину прихватит, то давление, то шмавление, а ничего великого так и не сваял. Дозрел. А самому уже не справиться. Помощница нужна.

– Великого? Запросы, однако!

– Ну, запросы у каждого свои. Кому суп жидок, кому жемчуг мелок… Ты съезди, познакомься, поговори. За спрос денег не берут. И не дают, – засмеялась Марина. – Только я тебя предупредить должна. Не знаю уж, как сейчас, а тогда…. Анатолий Михалыч его зовут, так, сколько его знаю, бабы его между собой всегда «Пихалычем» звали.

– ???

– Да, в том самом смысле. Всех перепробовал! Он без этого на работу не брал. А они еще и в драку, кому с ним крутить, курицы безмозглые! Может, остепенился под старость то. … Хотя… Фамилию Ебанько не сменишь. Помощницу просил найти, чтобы не старше сорока. Зачем тебе молодая, спрашиваю, варить тебе ее что ли? А он – не хочу старуху, я сам старый. Такой вот он, Анатолий Михалыч. В общем, ты девочка взросленькая, разберешься чего куда.

– Марин, а Вы-то с ним…. Тоже?

– Нет, – замотала она кудряшками цвета крепкого чая с пенкой седины. – Честное старушачье! Мы так в друзьях и перезимовали. Я ж все время замужем была. То за одним, то за другим. А потом, когда одна осталась, мама долго болела, не до шашней было. Он, кстати, помогал. Лекарствами, машиной, деньгами иногда. Он, по сути-то, хороший мужик. А «кобелядство» его… думаю, уже треп один, все-таки годы. Ну, так что? Давать ему твой телефон?

– Давать. И спасибо Вам.

– Спасибо будет или другое слово, потом расскажешь, – неуверенно улыбнулась Марина. – Наливай чай…

На следующий день вальяжный старческий голос, представившись «Анатолием Михайловичем от Марины», обстоятельно объяснил, как добраться до его конторы, потому что «разговор предстоит нетелефонный».

Контора занимала первый этаж жилого дома, и входом не отличалась от обычного подъезда. Внутри ждал сюрприз: белые стены и двери с золотыми номерами и две охранницы предпенсионного возраста в цветастых платьях, которые обе бросились ко мне, рябя цветочками.

– Я к Анатолию Михайловичу, – объяснила я.

– А вы записаны? – Хором спросили они.

– Нет. Но мы договаривались на семь.

– Сейчас я узнаю. – Одна из охранниц скрылась за дверью без номера. Вторая рассматривала меня, как рассматривают старые куры новую, только что купленную несушку другой породы, не понимая, чем она лучше и к чему тратить на нее бюджет, отпущенный на весь курятник.

– Анатолий Михайлович просил подождать. Посидите. – Вернулась первая.

Под прицелом четырех накрашенных глаз я села «нога на ногу», выпрямила спину и завела мысок сапога за щиколотку. Эти клуши с их животами и ляжками, если и рискнут сесть так же, снесут по цветному яйцу и будут уволены из охраны.

– Да-да! – Раздался через пару минут знакомый вальяжный голос из-за белой двери без номера.

– Проходите, – хором спели охранницы, качнув хохолками.

Белый кабинет был загромождён черной мебелью. В торце длинного стола улыбался седой мужчина в черной кожаной рубашке. Его белая голова на фоне черного шкафа выглядела сугробом. Две расстегнутых пуговицы рубашки выпускали седую пену волос на грудь, в усы, в брови и на голову. Глаза тоже были словно в пелене – бесцветные и тусклые. Мужчина встал, опершись о стол толстыми пальцами в золотых печатках.

– Так вот ты какая, журналистка! Приятно, приятно…, – он вывалил пухлую ладонь и кожаный живот, надвисавший над остроносыми замшевыми туфлями. – Проходи, проходи, присаживайся!

– Здравствуйте, Анатолий Михайлович, – официально поздоровалась я и присела на черный стул.

– Ну, ну, – он зашел мне за спину и опустил руки на плечи, – я ценю вежливость, но давай без лишнего официоза. Я человек из народа. Простой как лапоть! – Заухал он смехом, проминая пальцами мои плечи.

– Я всего лишь поздоровалась.

– Да ты ершистая! – Хлопнул он меня по плечам. – Это хорошо, это хорошо…

Он вышел из-за спины, поглаживая живот. – Ну, вот что, журналистка. Мы сейчас с тобой перейдем в другое помещение, я девочкам сказал накрыть. Я ведь ждал тебя. Поговорим, познакомимся, пообщаемся. Пойдем.

Приобняв за плечи, он вывел меня из кабинета, но возле двери убрал руку и мимо вжавшихся в насест цветных куриц прошел на шаг впереди.

В противоположном конце коридора за белой дверью с золотой цифрой «11» оказалась столовая. Низкий овальный стол был уставлен тарелками и тарелочками с закусками. Анатолий Михайлович критично оглядел сервировку.

– Девочки, спасибо! – Крикнул он в пустоту внутренней двери.

Оттуда выбежала девочка лет пятидесяти в синем платьице, с услужливой скороговоркой.

– Все хорошо, Анатолий Михайлович? А чайничек? Сейчас поставить?

– Да, да, хорошо. Чайничек? Можно, да. А сыр то где, милочка? Я же просил сыру!

– Ах! – Всплеснула руками милочка. – Виновата! Приготовили, да забыли поднести! Одну секундочку, уже даю!

– Глаз да глаз нужен! – Проворчал Анатолий Михайлович, усаживаясь на стул и давая место животу между широко расставленных ног.

Синяя «девочка» ловко вплела в «закусочный ковер» сырную тарелку.

– Ради бога извините, Анатолий Михайлович! Это моя вина. Недосмотрела. Приятного аппетита. – Мелко закланялась она. – Я рядышком, если что.

– Да, да. Повнимательней надо быть, милочка.

– Извините, – исчезла она в своей норке.

– Это не у вас Марина переняла чу́дную манеру называть всех женщин милочками? – Улыбнулась я.

– Не понял. Кто у кого что перенял?

– Марина. Наша с Вами общая знакомая. В конторе, где мы с ней работали, часто менялись копирайторши. Почему-то их все время увольняли и брали новых. Все, что они писали, шло к Марине, как главному редактору. Вот она прочтет опус очередной копирайторши и ласково так: «ну это же полное дерьмо, милочка. Круглый стол не может произойти, он может только состояться. Так с русским языком нельзя, милочка» Она так ко всем обращалась – милочка. Говорила: «моя старая голова больше не вместит ни одной юли, а уж тем более снежаны».

Анатолий Михайлович шевельнул усами, глаза его потеплели.

– Да, Марина с большим чувством юмора всегда была.… А эту даму действительно зовут Милочка. Людмила, кажется, полное имя? Моя старая голова, надеюсь, вместит еще не одну Милочку, а уж тем более Снежану. —

Он, крякнув, потянулся за бутылкой. Неспеша откупорил, разлил, поднял бокал. – Танюша! Позволь мне тебя так назвать. Я отличаюсь от большинства людей, и ты, как умная женщина, а это мне уже очевидно, скоро в этом сама убедишься. Но в чем ты убедишься уже сейчас, это в том, что у меня всегда великолепная еда и вино. Это принципиальный вопрос для меня. У меня есть целая теория на этот счет. Мы позже к ней вернемся, если интересно. А пока – предлагаю выпить, традиционно и банально, за знакомство! Отказов не принимаю! Я уверен, что обязательно человек должен пить спиртное в умеренных количествах, обязательно! Говорю это много лет! Давай…!

Выбив звон из моего бокала, он влил в себя свой и принялся за еду, прикрывая глаза от удовольствия и вкусно шевеля щеками и усами.

– Ммм… вот эти огурчики, это что-то необыкновенное! Попробуй! Так я хотел спросить, что это за отношения у вас такие с Мариной? Она же начальницей была твоей, как я понял?

– Да. Я когда пришла в эту контору, меня сразу предупредили – у нас все девчонки нормальные, кроме одной старой маразматички, которой надо угождать, потому как она какая-то заслуженная редакторша, и к ее мнению хозяйка прислушивается. Это единственная проблема. Остальное весело и хорошо. А когда стала работать, оказалось, что остроумней и интересней этой старой маразматички нет никого. Ну вот. Контора давно развалилась, а мы с Мариной дружим…

– Она тоже лестно о тебе отзывалась, – зажевал слова огурчиками Анатолий Михайлович. – Попробуй огурчики! Сейчас, сейчас, пока вкус не замылился! Да рукой бери, что ты как на параде! Ну?

– Вкусно, – хрустнула я огурцом.

Он посмотрел почти с презрением.

– Просто так говоришь? Угодить хочешь?

– Нет! Засол отличный. Чувствуется и хрен, и укропчик с чесночком, и вишневый листочек и смородиновый и еще семечки такие мелкие…забыла, как называются…. Капли из них делают. И все в правильной пропорции. Правда, очень вкусно.

– Анис, – подсказал довольный Анатолий Михайлович, разъехавшись в усах, – теперь вижу, не врешь, понимаешь.

– Так что с вашей теорией? – Напомнила я.

– Запомнила? Молодец! Сейчас расскажу! – Он зацепил вилкой алый помидорчик и горсть салата, нарезанного сочной соломкой, перенес все к себе в тарелку и бережно уложил, наколол шляпку шампиньона, фаршированную чем-то мелким, осмотрел ее внимательно со всех сторон, и также бережно отнес в рот. Совершив несколько жевательных движений лицом, продолжил: – Что касается питания, я когда-то для себя просто как индивидуум, как муфлон, как человек…

– Муфлон это кто? – Перебила я.

– Муфлон это баран горный, у которого рога загнуты.

– У которого что-то там вычесывают особо ценное?

– Да. На эту тему есть анекдот солдатский. Старшина читает лекцию солдатам про устройство танка и говорит, что там есть такое устройство – ресивер, в нем сто атмосфер, он заводит двигатель. Курсант кавказец спрашивает, что такое сто атмосфер? Старшина поразмыслил, как ответить на этот вопрос солдату и говорит: «Представь барана. Если этот ресивер вставить барану в жопу, рога распрямятся». Так теория заключается в следующем – это все построено на интуиции для каждого человека, если он интеллектуально хорошо организован, если у него повышенная интуиция, если он чувствует не примитивно. Вот когда мне говорят: «ой, мой все ест, чего не дам, все ест», я всегда говорю, если можно сказать, если нельзя, молчу, но думаю, что это за быдло! «Все ест» это первый признак отсутствия интеллекта, потому что человек, когда происходил от кого-то там, он начинал свое существование от сна и еды. Это была его интеллектуальная часть – он сначала ел сырое мясо, потом он жарил его на костре, теперь он жарит шашлыки, не может этот исторический процесс уложиться в простую формулу. Бесспорно, пища в человеке параллельно пробуждала интеллектуальное начало. И когда мне говорят: «а мой все ест», я понимаю, что это точно фуфло. Даже не показывайте мне его! Нет, пару раз я таких видел, показывали, все соответствует тому, что я думаю. Это обыкновенное простое существо, которому все равно, к кому прицепиться на улице, что жрать, с кем спать. Оно полезное, оно может огород копать, выращивать цветы, оно может читать и даже писать! Но ему, козлине, будет все равно, что писать! Весь его строй будет совершенно другой, он может быть даже талантлив, но он не откроет до конца свой талант, у него не хватит того начала, человеческих эмоций, которые построены на подсознании, для того, чтобы до конца

ощутить какие-то моменты. Эта теория такая нескладная, но что касается еды, она имеет под собой могучее начало.

– Вы автор этой теории или ее последователь?

– Я не автор… ну может и автор. Если она имеет под собой какую-то основу, то можно считать, что я ее расширил.

– Но ведь должны быть какие-то опыты научные, база теоретическая…

– А как же – есть! Вот сейчас увидишь! Как сожру все подряд и как начну всех подряд! Без разбору! – Заухал смехом Анатолий Михайлович, взявшись за бутылку. – Да.… И обязательно человек должен пить спиртное в умеренных количествах, обязательно! Говорю это много лет! Потому что образ жизни, экология, стрессы, они человека комплексуют, тормозят его иммунную систему. Работают нервы, а от нервов очень много зависит. А когда человек выпивает, он, во-первых, усиливает работу организма, идет интенсивный обмен веществ. Вот я сидел до твоего приезда, ничего не делал, читал, писал, и естественно, застой крови, не та циркуляция, не та нагрузка, чем это компенсировать? Щас мы выпиваем, и все встает…,– он сделал паузу, – на свои места. Организм нормализует свою работу.

– То есть физкультуру отменяем?

– Ни фига подобного! Это разные вещи совершенно. Физкультура – это отдельная тема, она избита, она понятна, и на эту тему даже говорить нечего. А вот питание – да! Почему? Прежде всего, человек должен жрать, эмоционально ощущая со знаком плюс, что он жрет. Это первый успех его здоровья. Если он это пропускает, если он это не освоил, то, как правило, после тридцати пяти – сорока лет человек начнет болеть и раньше умрет. Вот недавно была статистика, которая подтверждает мою теорию: американцы проделали эксперимент, что в среднем, если человек не употребляет спиртного, он живет на десять лет меньше. Поэтому моя теория в том, что надо пить, но не много.

– А что надо пить?

– Это уже не вопрос. Я скажу, что если в умеренных дозах, то качество практически не так важно. Лишь бы не денатурат. Да. Поэтому еда…

– А с едой как? Надо кушать, что хочется или что полезно?

– Только то, от чего ты получаешь удовольствие! Даже если у тебя есть какие-то болезни, но если ты хочешь съесть селедку, бери и ешь! Язва у тебя, песок в желчном пузыре, щебенка, камни, садись, и жри селедку! Это поднимет твой общий тонус, твою иммунную систему и твою сопротивляемость! И пользы в результате будет больше, чем вреда!

– А вот когда толстые люди любят сладкое? Оно толстым тетенькам просто оргазм заменяет, что делать, есть или нет?

– Отвечаю совершенно однозначно – это уже клиника. Это отклонение, там эндокринная система наверняка расстроена, иммунная, и это не входит в рамки нашего разговора. Я толстый, но я в жизни себе не купил ста грамм конфет. А толстый, потому что я мало двигаюсь, у меня работа такая и жизнь такая. Я сбросил двадцать кг, я раньше садился за стол, съедал какие-то вкусные вещи, а сейчас я маленькие кусочки хлеба четыре раза кусаю. Но! Только эмоциональное восприятие со знаком плюс дает эффект. У нас осталось два начала – два животных замечательных начала – еда и половой акт. Они вызывают первобытные эмоции, которые имеют наибольшую ценность! То, что половой акт и еда, – самое главное на земле, еще никто не оспорил, и другой теории нет.

– Самое главное для чего?

– Самое главное, чтобы ощутить мир! Не увидеть Америку через форточку, лимон откусил – вижу Японию, а именно ощутить.… Сейчас в школах, вузах деформировали все понятия – есть примитивные понятия жизни, примитивные понятия космоса, но ведь под этими понятиями очень глубокая основа. И то, о чем я говорю, секс и еда – это не ощущение вкуса, это

ощущение мира, в этом заложена целая цепочка эмоционального воздействия на подсознание человека. Если человек не быдло, конечно.

– Но ведь и у первобытного человека была еда и половой акт, почему же мы не остались на первобытном уровне?

– Я об этом и говорю, что у нас остались два вот этих шикарных, удивительных момента. Но шла эволюция, шел прогресс, человек переходил из одной стадии в другую…

– То есть, все же есть еще какие-то потребности?

– Бесспорно! Я говорю, что эти самые ценные, самые чистые, самые первозданные, которые останутся всегда в человеке, это начало любого живого существа, вот о чем речь идет – это начало, будь то кошка, таракан и кто угодно. Все остальное уже прилагается, мы можем рассуждать, объяснять, разделять, это уже бантики.

– Вам оставить – сколько хотите еды и сколько хотите секса и больше ничего, кроме этого – вы взвоете через неделю! – Аргументировала я.

– Я не говорю, что это главное вообще, это самое главное в эмоциональном восприятии мира и жизни. Не зная ни высшей математики, ни алгебры, не читая Толстого, не зная, кто такой Чехов, мы воспринимаем мир через эти процессы. То есть это разница между было и стало…

Капустная соломка повисла на седом усе Анатолия Михайловича. Кончик ее дрожал от произносимых слов. Чем больше чувства было в словах, тем сильней он раскачивался.

– Я ненавижу быдло! – Крупно затрясся капустный кончик. – Я их всегда легко вычисляю! Они могут рядиться под вполне приличных людей, но я их узнаю даже по словам, которые они используют! Вот «как бы» и «типа» это их слова. Самое гнусное, что может быть, это «как бы» и «типа», это удел убогих людей! Сейчас семьдесят процентов дикторов телевиденья и радио говорят, «вы нам скажете еще чего-нибудь хорошего». Это пи**ец, вообще! Это такой уровень безграмотности, как говорят, тоже мне, блин, профессор, пинджак пишется через Д!

При звуке «Д» капустный кончик подлетел вверх, застрял в усах и больше не раскачивался.

– Ты заметила, что в моем жаргоне автоматически проскальзывают одесские мотивы? Ты должна была это заметить, ты же работаешь со словом! Я обожаю Одессу, обожаю Бабеля! Бабеля ведь запрещали, а у меня уже тогда, в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году, тебя еще и на свете не было, было две книжки. Одна – Кемеровского издания, в котором было несколько рассказов Бабеля, которые не были напечатаны нигде. Вообще, я вырос на хорошей литературе, нам повезло, мой отчим был очень читающий человек, несмотря на то, что отсидел приличное время. И даже пытался писать. При нем библиотека разрослась и в мои молодые годы дошла до трех тысяч томов. В то время у нас была библиотека, которой не было нигде, тем более на периферии. У нас был Декамерон, не считая все собрания сочинений Толстого, Пушкина, Чехова, Лермонтова! Надсона было издание, Виноградов был, который писал историю династии Романовых. Я ее потом ксерокопировал, когда мы все потом разъехались и растерялись. Этой библиотеки нет давным-давно. Мы жили в Западной Украине, бендеровцы состряпали версию и опять его засадили. Человек, конечно, царство ему небесное, был совершенно уникальный. Я к нему попал, когда мне было десять лет…

Я ткнула вилкой лоснящийся перец, чем-то туго набитый, словно кожаный мешок в дальнюю дорогу.

– Перец – это божественная вещь! – Нацелился вилкой в меня Анатолий Михайлович. – Фарширован рисом и овощами, но при этом закуска холодная! Это по рецепту моей матушки сделали. Она отменно готовила, надо отдать ей должное…

В приоткрытую дверь заглянул робкий хохолок и накрашенный глаз охранницы:

– Анатолий Михайлович, извините, что вторгаюсь, Вас к телефону! – К глазу и хохолку прибавилась вытянутая рука с трубкой.

– Я же сказал, меня нет!

– Это Ваша…

– Дай…

Анатолий Михайлович подался вперед всем телом, оперся о стол локтем, смахнув капустную соломку с усов на пол.

– Да. – Устало выдохнул он. – Да. Я понял. – Он закатил глаза, выслушивая длинную тираду. – И что? Он не отвечает, потому что он занят. Я тебе говорил уже. Не надо его дергать! А я говорю не надо!!! – Поднял он голос. – Ах, ты мать!?! Ты бы раньше об этом пеклась! Мать она!!! Я не кричу! – Медленно проговорил Анатолий Михайлович, и глаза его налились кровью, – я тебе еще раз говорю – с ним все в порядке, он просто занят. Занимайся там своими делами и не надо дергать его по пустякам! Да. Все хорошо. Да. Передам. Позвонит. Да, я сказал! Ты меня слышишь? Ты вообще слышишь кого-нибудь кроме себя!?! – Снова вскричал он. – Я спокоен! Да, я ему скажу. Что тебе нужно? Шины? Зачем? Ааа… Хорошо, я у него спрошу, если ему не нужны, я тебе их отправлю. Все, будь здорова!

Анатолий Михайлович, с силой вдавив кнопку, отключил телефон.

– Вот дура баба! Прости мою душу грешную…, – Он молча опрокинул в себя рюмку водки и занюхал огурцом. – Прости, Танюш…. Два раза после нее женился, баб без счета было, но эта по сию пору бесит так, аж кушать не могу!

– От любви до ненависти один шаг, – сакраментально высказалась я.

– Да нет никакой любви! Я вообще не знаю, что это такое. Любовь….

– Вы серьезно?

– Да…. Если честно, я еще никого не любил в жизни так, как читал это в книжках. Мне может нравиться женщина, я могу быть увлечен ей, но то, о чем пишут и говорят, что имеют в виду под словом «любовь», мне это неведомо. Мне говорят, что я несчастный человек, может, быть да.… Почему так? Бог знает…

– Возможно потому, что полигамность перешла через край?

– Полигамность это норма для мужчины! – Выкрикнул Анатолий Михайлович, как в телефон. – Просто бабы дуры. Все! Они все рождаются дурами. Но женщины, не имеющие внешности покорительной, читают книжки, умнеют, учатся анализировать, у них ведь все время проблемы, которые надо как-то решать. То есть женщина рождается дурой в любом случае, но красивой и так нормально, ее все устраивает, а страшненькая начинает саморазвиваться, выстраивать какую-то концептуальность. Она начинает разыгрывать карту, чтобы не пропасть в этом мире. Подходит к зеркалу, видит себя и думает, а как же мне брать то мужика штурмом, чем? И это очень хорошо. Ведь вообще людей, которые пытаются задумываться, всего три процента на земном шаре.

– Остальные довольствуются двумя первобытными началами?

– Абсолютно! – Радостно подцепил вилкой пласт буженины Анатолий Михайлович, – меня все время мучает и интересует чисто такой философский вопрос – что же такое мир людей? Почему бог выстроил именно такую систему, схему, конструкцию человечества? Это

вопрос, на который я не могу ответить, даже гипотетически. Я под это не могу подвести свою логику никак. Но это божья воля и я перед этим сдаюсь и складываю с себя все полномочия.

– Но мир различен. Сколько цивилизаций, столько и устройств мира.

– Дело не в этом. Я говорю о структуре человечества вообще на земном шаре. Вот я думаю, почему именно так? У меня хватает иногда логики до чего-то додуматься и что-то объяснить, но это объяснение априори не может быть, потому что общество и человечество развивается. Так же как теория электричества, которая сегодня существует, она относительная. На самом деле, я как глубоко понимающий человек, считаю, что человечество на этом уровне развития науки и интеллекта на земном шаре, создало такую удобную, объясняющую невероятные явления теорию и не более того.

– Точно так же как религия…

– Нет, в религию не лезь. Это не обсуждаю, я верю! Религию ты принимаешь как догму, или ты ее не принимаешь!

– А почему человеку разумному не попытаться разобраться в вопросе, в том числе и в этом?

– Я верю, и это мне не позволяет лезть в сложные для меня вещи, хоть и есть вопросы, которые я никогда не задам. Я не буду копаться ни в чем, это не мое дело. Это надо почувствовать и не более того. Если у тебя есть вопросы, выходи из веры. Вера – это когда вопросов нет. Читай молитвы и старайся понять, как это ложится на твое сердце и на твою душу.

– Мне кажется, так надо относиться к любви, как к вере. Принимаешь этого человека, веришь, и не обсуждается.

– Нет! Любовь это мир иллюзий, в котором ты можешь устоять, или провалиться. Любовь – это фокусы, когда распиливают бабу пополам, только в более примитивно завуалированной фанатичной форме. Хоть я и не любил, уверен, что это так…

– Вы любили, как могли, как были способны…

– Это правильно… Но через меня прошли сотни людей и влюбленных тоже, я считаю, что это клиника. Как человек, имеющий определенное отношение к медицине…

– К медицине?

– Да, у меня фельдшерский диплом есть. У меня пять лет был свой медицинский центр, где я был генеральным директором. Я ни копейки не получил от этого. Я его открыл, чтобы помогать людям, мне было интересно.

– Традиционная медицина?

– Она по моей методике выстроена. Я ее разрабатывал лет десять, пока не пришел к тому, что можно выбрать из того, что существует.

– Почему бросили?

– Время отнимает.

– Методика работает?

– Сейчас проскальзывает что-то идентичное, но не очень квалифицированно. Так вот, возвращаясь к любви.… Это клиника! Чтобы мне не говорили про любовь, особенно для мужиков, это примитивное скотоводство. Мужик, это примитивное существо, которое после того, как кончает, уже ничего не помнит и не знает, то есть теряет всякую нить эмоций. Если б не было женщин, мы вообще никто. Да, мы хорошие токари, слесари, физики, но мы не главные в жизни, а главные в жизни – женщины.

– Оставьте баб одних и увидите, что будет.

– Ну, мы же так не разговариваем. Это доказательно от противного. Я считаю, и наверно, я не ошибусь, не любовь мир сделала, любовь только мир двигала, и частично разрушала. А самое главное – это созидание, творчество, главней я ничего не знаю. Я самодостаточный человек, у меня все есть, но я никогда не пойду на какие-то варианты, в которых не будет созидания. Для меня мир созидания это мир жизни. Может, поэтому бог меня держит на этом свете,

потому что я все время творю что-то. Я это делаю не для себя, не для кого-то, а вообще. Это в себе хранит примитивное, но важное человеческое начало.… Это единственное качество, которое приближает нас к богу, именно созидание и творчество.

Анатолий Михайлович снова осушил рюмку и остановил на мне тусклый взгляд.

– Ну, мы, собственно, подошли к сути разговора. Я хочу, чтобы моя книга была о том, что меня волнует в этой жизни – о созидании, о правильном образе жизни, о воспитании, о литературе, о боге, о душе, о мире. Главное, что это должно быть творчество! И для меня и для тебя!

– Главным героем будете Вы? В книге будет сюжет или это будут мысли вслух? Вы себе уже представляете что-то конкретное?

– Конкретного пока нет. Я живу по системе Наполеона, ввязываюсь в драку, а там посмотрим.… Я приглашаю тебя в свой загородный дом на эти выходные. Отдохнем, пообщаемся, у меня там сауна, бассейн, все есть, в общем. Узнаем друг друга лучше, будут конкретные мысли. В пятницу приезжай к пяти, отсюда поедем. Здесь всего сорок минут дороги. Договорились?

– Что мне взять с собой?

– Ничего. У меня все есть.

– Ну, чего-то может не быть? – Засомневалась я.

– В моем доме не может чего-то не быть! У меня есть все! – Отрезал Анатолий Михайлович, – у меня даже зубная щетка есть новая для тебя! – Он ухмыльнулся в усы и потер руки: – Ну, я, кажется, заморил червячка.

– Я тоже. Спасибо.

– Пока не за что…, – крякнул он, вставая. Кожаные штаны повисли на заднице и коленях сдутыми пузырями. Он натянул пузыри за пояс и обнял меня за плечи, но, дойдя до коридора, просматриваемого цветными курицами, убрал руку.

В пятницу я столкнулась с Анатолием Михайловичем у двери конторы нос к носу. Он был в наброшенной на плечи бобровой шубе до пола. Две охранных курицы топтались рядом. Одну из них перекосило большим черным портфелем, который она держала в руках.

– О! Молодец! Не опоздала! Уважаю пунктуальность! – Похвалил меня Анатолий Михайлович. – Так! Ну, всё? Ничего не забыли? – По-хозяйски спросил он. – А портфель мой где?

– Держу, – отозвалась перекошенная.

– Зачем держать? Поставь его!

– Я подержу лучше! А то забудем, как в прошлый раз!

– Ну, всё, пошли! – Скомандовал Анатолий Михайлович.

Все подошли к большому черному внедорожнику. Выскочивший водитель принял из скрюченных пальцев охранницы портфель.

– Мы назад с тобой. – Распорядился Анатолий Михайлович, и кивнул охраннницам: – Идите, идите, холодно! Всё, до понедельника, девочки!

– Хороших выходных! – Хором ответили девочки, продолжая стоять с выражением: «на кого ж ты нас покидаешь!» на лицах. Или мордочках? У куриц что вокруг клюва? В общем, на них…

– Мы заедем в один магазин по пути, – предупредил Анатолий Михайлович. – Аннушка масла не нашла.

– Теперь она должна его еще и найти, прежде чем пролить? – Удивилась я.

– Я масло тыквенное кушаю на завтрак, а она его не нашла, хозяйка у меня в доме. Я ее Аннушкой величаю, по-булгаковски…

По небольшому магазинчику с названием «Мегамаркет» Анатолий Михайлович перемещался, по-царски подметая пол бобровой шубой. Тележкой управлял водитель.

– Я у них заказываю тыквенное масло. Для меня специально привозят в десятилитровых банках. Я же помалу– то не беру.

– А что вы с ним делаете?

– Ем! Там столько полезных вещей для мужчины, который хочет оставаться мужчиной.

Он обнял меня, уже никого не стесняясь. Водитель привычно деликатно ушел вперед. Анатолий Михайлович навалился на меня бобровым телом, пытаясь поцеловать.

– Уже? Даже без масла? – Остановила я его.

– Женщины с чувством юмора обычно хороши в постели, – проворчал он, и усы его приподнялись.

Девушка с бейджем «Юлия» долго искала ключи от витрины с алкоголем. Анатолий Михайлович выказывал нетерпение, обмахиваясь полой шубы. Когда ключи с извинениями нашлись, он перенес всю витрину в тележку к уже находившейся там банке тыквенного масла.

– Нам больше ничего не надо? – Спросил он у водителя.

– Все, что вы сказали, уже купили. Если только еще что-нибудь, – отчитался водитель.

– Нет, пока хватит.

В машине он придвинулся ко мне:

– Мы едем в дом, который я строил по собственному проекту. Там еще не все доделано как планировалось, но, в общем, я доволен. Ты все сама увидишь.

Бетонная граница забора между тяжелым ночным небом и пустым ноябрьским лесом огласилась лаем и мужским голосом из сторожевой будки:

– Тихо, тихо, Малыш! Это хозяин!

Человек в телогрейке открыл ворота в большой освещенный двор перед четырехэтажным домом, в котором стали загораться окна. «Малыш» оказался огромной черной псиной, произносившей «вау» радостным басом. Распахнув шубу, Анатолий Михайлович по-хозяйски пошел к входу. За ним водитель нес пакеты и портфель.

Нас встретила полная темноволосая женщина в розовом халате, с юркими глазками и счастливым лицом и сутулый мужчина, тоже улыбавшийся. Женщина развела махровыми руками и запричитала:

– Ой, наконец-то! Ай, как хорошо! Отец ты наш! Приехали! Вот радость то!

– Здравствуй, здравствуй, Аннушка! – Приобнял ее Анатолий Михайлович. – Это Татьяна. Моя гостья. Познакомьтесь.

– Танечка! Ой, как хорошо! – Перекинулась на меня Аннушка, – проходите, скорей! Стол уже накрыт, и бассейн готов и сауна! Ждем вас, родные наши! – Она кинулась в ноги Анатолию Михайловичу, помогая ему разуться. Он поочередно подставлял ей туфли. Потом скинул ей на руки шубу. С мужчиной поздоровался за руку:

– Здорово, Вить!

– Здравствуйте, Анатолий Михайлович! – Поклонился тот. – Все готово. Как всегда. Я вам сегодня нужен?

– Нет, нет, ты свободен. Ступай.

– Я буду у себя.

– Да, да, хорошо.

В сопровождении кудахтающей Аннушки мы прошли в помещение с зимним садом, фонтаном, витой лестницей наверх, большим стеклянным столом и светлыми диванами. Предназначение этого помещения было не понятно. Если зимний сад, то зачем стол? Если диваны, то зачем фонтаны? Если зеркала и лестница, то зачем тазик с водой? Анатолий Михайлович вдавил себя в самый большой диван. Аннушка рухнула к его ногам, подтащив тазик с водой, и принялась обмывать и массировать ему ступни, не переставая кудахтать. Ее полная фигура, казалось, не должна была выдержать такую позу. Махровый розовый зад надулся гигантским бутоном на фоне фонтана. Я присела на соседний диван.

– Танечка, вам обмыть ножки? – Спросила снизу женщина.

– Ой, нет, спасибо…

– Иди сюда, посиди со мной, – позвал Анатолий Михайлович. – Не стесняйся. У нас это ритуал. Много лет уже. Аннушка у меня золото. Сейчас закончим и пойдем ужинать. – Он похлопал ее по рыхлой щеке.

Она, расплывшись в улыбке, поцеловала ему голень.

В столовой массивный стол держал гору еды на толстых лакированных ногах. Его окружали три деревянных стены с окном и внутренней дверью и одна стеклянная, выходящая к бассейну. Хозяин расположил на отполированной лавке живот и взялся за запотевший графин.

– Эх, водочка! Волшебница! Холодненькая! Давай выпьем!

– Да я водку не очень…

– Вот это напрасно! Водка – великая вещь! Ты меня слушай! Про водку сейчас расскажу! После института меня заперли, то есть я сам захотел, я поехал в Сибирь, в Кемерово. Работал там помощником мастера сначала, потом мастером, это отдельный рассказ. Представь, я – зеленый инженер, ничего особенного, но тут я как-то навострился и сделал проект такой интересный, который мы там воплотили в макетные опытные образцы. Главный инженер завода говорит – что вы мне рассказываете, вы езжайте в шахту и защитите этот проект. Мы поехали в Анжеро-Судженск, это километров 160 от Кемерово, на двукрылом самолете Ан-2, пропускаю, как я был в шахте, потом расскажу, это был пи*дец полный! В общем, мы закончили командировку, до отлета остается два часа, мы заходим с Гошей, товарищем моим, в ресторан, а Гоша – настоящий сибиряк, может много выпить, я много не могу, но тоже пил. Короче, мы вмазали там две бутылки водки и еще графин пива. Сели в самолет, погода говно, заходит мамаша с дочками, одной лет четырнадцать, другой семь-восемь, и собачка с бантиком. Летим. Там еще пассажиры были, но эти были прям напротив. Погода совсем испортилась. Качка такая началась…, – Анатолий Михайлович вложил в рот вареную картофелину, посыпанную укропчиком, соленый помидор и кусок сала. – Ммм-ммм-ммм, – промычал он с набитым ртом и махнул рукой, мол, сейчас дорасскажу.

– Короче, блевали все, включая собачку, кроме вас с Гошей. Бантика видно не было, – докончила я рассказ.

– Абсолютно! – Подтвердил он, – там ничего видно не было! А мы прилетели в отличном настроении. Вот что такое водка!

– А может, вот что такое хороший проект?

– Ну, проект само собой.

– Вы были в эйфории, – настаивала я на безалкогольной версии.

– Мы не были в эйфории, мы из шахты еле вылезли. Это водочка, волшебница! Ну, твое здоровье! – Он опрокинул рюмку, – Пью, и нос чешется, все равно, что спать и зевать…

За стеклянной стеной мелькнула розовая Аннушка, сунула в дверь улыбку:

– Я Танечкину сумку в голубую спальню снесла, постелила тама.

– В голубую? – Переспросил хозяин.

– Плохо? – Испугалась она. – А я ж подумала, рядышком, удобно…

– Ладно, ладно, хорошо, иди, Аннушка.

– Мне бы переодеться…, – напомнила я.

– А, пойдем, покажу. Дом посмотришь заодно, – встал Анатолий Михайлович.

– Я отведу Танечку! – Ринулась Аннушка.

– Ты лучше вон картошку подогрей. Остыла.

– Здесь сауна у меня и душ, – начал экскурсию хозяин, открыв внутреннюю дверь столовой. Раньше здесь дом кончался, эта стена на улицу выходила. Я пристроил бассейн и сделал тут стеклянную стену.

Мы вышли к бассейну, полноценному, 25-ти метровому.

– Вода какая голубая. – Заметила я.

– Это специальный состав, он немного подкрашивает воду. Вода чистейшая. Здесь никого не бывает, только я и сын, Толя. Тридцать пять лет мужику, не остановится никак, все блядует. Но сюда я ему запрещаю девок возить. А воду меняют раз в неделю.

– А это кто занимается? – Кивнула я на тренажеры у бассейна.

– Покупал себе. Да некогда все. Когда здесь живу, стараюсь утро начинать с них.

– Какой вы молодец!

– Да какой там! Пузо так и висит.… Молодец я в другом….

Мы поднялись по дубовой лестнице наверх, в коридор с картинами на стенах.

– На втором этаже у меня спальни, – продолжил экскурсовод, – вот это моя, рядом твоя, голубая, вон та для Соньки, матушки моей, еще две гостевых и последняя Толина.

– Сколько же лет вашей матушке?

– Девяносто четыре в этом году будет. Вот кто молодец у меня! Сюда она не ездит, говорит, слишком много места, тяжело передвигаться.… Пойдем, Толину комнату покажу.

Толина комната представляла собой жилище сексуально-озабоченного спартанца: простая мебель, гантели в углу, на стенах грамоты и кубки и в центре – огромный квадрат кровати, прикрытой серой тканью.

– Он спортсмен? – Я взяла в руки бронзовую рюмку кубка.

– Да. Толя начал заниматься дзюдо в тринадцать лет. Сам шил себе все эти костюмы, я ему доставал материал специальный. Из него же вон покрывало на кровати.

– Наград столько!

– Здоровье только никуда не годится, он весь разбитый, сейчас у него две операции – колено, локоть. Но такая была постановка задачи. Когда Толина мать отдала мне его…

– Что значит отдала?

– По договоренности. Мы были уже четыре года в разводе. Я ее убедил, что сына должен воспитывать отец. И это тоже все было очень непросто. Один пример – раньше школьную форму выдавали по талончикам, она мне звонит, возьмите талончиков на три костюма, потому что Толя уделает их враз, на что Сонька ей ответила, что у нас он проходит в одной костюме. Это к тому, что детьми надо заниматься, но не надо проверять их дневники, они должны учиться сами, если они хотят. Это самое позорное, что может быть, когда ты каждый день спрашиваешь, что ты там получил, покажи дневник. Более унизительного ничего нельзя придумать. Он когда приехал к нам от матери, у него одна четверка по труду была, остальные все трояки. Когда я принес его личное дело в школу на Малой Бронной, мне сказали, у нас таких своих полно. А когда я приезжал к нему на Украину и приходил, естественно в школу, как отец, мне говорили, что мой ребенок выродок, тупой, не учится вообще и т. д. Я там не мог устроить скандал, потому что понимал, я уеду, а его будут терроризировать. Но я знал, что

заберу его, и относился спокойно к этому, вернее делал вид… И я сделал из него человека! Мне есть, что сказать о воспитании. Напомни потом, расскажу…

Я поставила кубок на полку, но Анатолий Михайлович передвинул его ровно на то место, где тот стоял.

– Он замечает всегда, если что-то не на своих местах или даже просто сдвинуто. Педант такой стал.

Мы вышли в коридор с картинами.

– Вот лестница вниз, вон твоя комната, вон моя, под нами столовая. Ориентируешься уже?

– Да. А что на верхних этажах?

– На третьем кинотеатр и бильярд, четвертый технический. Но там недоделано пока. Не люблю показывать недоделанное. Чувствую себя идиотом – здесь должно быть так, здесь так. Когда все будет, тогда и показывай, верно? Ты купаться будешь?

– В смысле? Мыться?

– Плавать в бассейне.

– Почему нет. Буду. Сейчас купальник возьму.

– Зачем тебе купальник? Мы же одни! – Взялся он за мою талию.

– Купальник чтобы купаться, – блеснула я логикой.

– Ладно, спускайся, – убрал он руку.

Когда я спустилась в столовую, Анатолий Михайлович, вывалив волосатый живот из халата, дожевывал усами что-то длинное и зеленое.

– А я решил покушать. Обычно поздно не ужинаю, сегодня аппетит чего-то разыгрался! Черемша – вещь! Выпей со мной!

– Ну, так что там с воспитанием? – Напомнила я.

– Ааа, – с удовольствием возобновил рассказ хозяин, – так вот, Толя совершенно был безграмотный, совершенно убогий, у него было ожирение второй степени! Если он писал Ондрей, можно представить его уровень грамматический. Мы с ним потратили месяцев семь – восемь. Бабушка с ним диктанты писала, я ему пи*дюлей давал, но не физических, рвал тетради на глазах у него. Такой психологический прием. Он был разболтанный, несобранный, и надо было человека вывести на уровень необходимости. В Москву он приехал в шестой класс. Ребенка портить проще простого, для этого ничего не надо, отдай ему все на откуп, пусть делает чего, хочет, не занимайся ребенком и все. Никто же не знает, что такое понятие воспитание, слово есть, а никто не знает, что это такое. Все бродят втемную. Моя мать, например, до сих пор считает, что воспитание заключается в том, чтобы одеть и накормить. Нас никто не воспитывал. Как можно заниматься воспитанием шести детей? Ну, били нас по-черному.… Мы поработали с Толькой, внушили ему, что образование обязательно и что он должен получать знания не для того, чтобы перед папой и бабушкой отчитываться, он должен учиться и понимать, что он учит и зачем ему это надо. Бесспорно, сработало психологическое общение, разговоры с ребенком, демонстрация каких-то вещей, которые должны были его убедить в силе и необходимости того или другого действия. Вот это работа и вот это воспитание. А все остальное – ху*ня. Он уже седьмой класс закончил без единой тройки, а в девятом он получил похвальную грамоту, и мы уже не знали, чего он делает, какие экзамены он сдает, что у него в дневнике. Потом он выдержал конкурс в спецшколу при МИФИ левой ногой, кончил эту школу, поступил в МИФИ, два года отучился на ядерном факультете, получал какую-то именную повышенную стипендию, был комсоргом, потом его исключили из комсомола, он сдал весеннюю сессию на пятерки и сказал – папа, я туда больше не пойду. Я не стал устраивать скандалов, он все объяснил, я эту всю систему знаю, сам три года преподавал в институте, я сказал, ну не хочешь, не надо,

прости, это моя ошибка, чего будем делать? Что бы ты хотел, спросил я его, давай думать. Я не навязываю, но, у нас через две помойки Плехановский институт, мы поехали, все узнали, и Толя туда поступил с потерей года на второй курс. Там он учился с удовольствием. Он там был в авторитете и учился блестяще. Там есть такой предмет статистика, которая требует изучения теории вероятности, так его знания в этой области намного превосходили знания преподавателя. Он блестяще закончил Плешку. Что ты будешь делать, я спрашиваю, а он – у меня друг работает в банке Кредит Москва клерком, и они могут меня туда взять маленьким банковским работником. Мы ему купили костюмы и галстуки, нарядили его, я ему купил машину в подарок, мазду, подогнал к банку, вызвал его и отдал ключи. Через три месяца его назначили зам начальника кредитного управления банка, ему исполнилось двадцать два года. Еще через время он приходит и говорит, папа, ты знаешь, я, наверное, буду управляющим банка, создается восточный филиал. И он проработал пять лет управляющим банка, раскрутив его с пустого места, имея персональную машину в двадцать два года, это был единственный случай в России. Вот так он стал у меня банкиром. А когда я приватизировал свое предприятие, я ему сказал, а ну иди сюда, ты знаешь, что такое преемственность поколений? Читал, он говорит. Ну, если читал, тогда, давай, пиши заявление, мне нужна твоя помощь. Он там получал какие-то тыщи долларов и пришел ко мне на три тыщи рублей. Он год вписывался в конструкцию промышленного предприятия, очень это все было мучительно и долго, я его пи*дил, как врага народа, работа была трудная, потому что времена были трудные, мы лежали практически. А потом, он пришел, а у меня денег нет, так он снял со своего депозита и заплатил рабочим зарплату за декабрь. Мне это очень понравилось. Я понял, что у него есть понимание, не понятие, а понимание ситуации, я ему за это очень благодарен…

Анатолий Михайлович закинул в себя рюмку. – Давай! Вот уже полтора года, как он на меня наплевал, считает, что ему это все не нужно.

– И вы отпустили?

– Я не мог по-другому поступить, зачем мне его загонять в эти шоры, я работаю тут не из-за денег. Мне просто интересно. Я двигаюсь, я конструирую, опять заявки, патенты, борьба с конкурентами, то есть жизнь. Я человек активный. А у него есть свой бизнес, он занимается инвестициями, и довольно успешно. Сейчас у него школы в Англии, в Голландии, в Омске, Томске, в Донецке по боевым искусствам. Это уже образ жизни. Он чемпион мира, причем в такой ветви Вин Чуня, он сегодня третий в мире. Там есть патриарх, которому восемьдесят два года и который еще работает на татами, за ним его ученик, и Толя третий.

Анатолий Михайлович сдвинул себя по деревянной лавке к комоду, достал из ящика трубку и табак. Не спеша набил ее.

– Я начал трубку курить в тридцать два года. Я тогда был молодой генеральный директор. На служебной машине, с водителем, фраер, этого уже не отнимешь, порок врожденный. Самоутверждение. Хотя, нет, у меня больше энергии занимает даже не самоутверждение, а состояние души, которое я в данный момент испытываю. Чего мне вые**ваться, если я генеральный директор самого большого предприятия в городе, областного центра на Украине. Все меня знают. И никакой уникальности в моих действиях и в себе я не вижу. Я в себе копаюсь активно, какая – то неудовлетворенность всегда была, желание доказать что-то себе.… Именно себе. И еще какое-то сверхличное самоутверждение, я себя испытываю по-разному. Я семь лет назад погружался и получил первую степень дайвера, двенадцать лет назад поехал на Эльбрус кататься на горных лыжах, и не то, что что-то хочу достичь, я считаю, что это те элементы, которые дают мне жизнь. Я человек средних возможностей и способностей, я себя не переоцениваю, я знаю границу своего достоинства, и я не лезу выше того, что могу, то есть фанаберии отсутствуют всякие. Это и есть моя маленькая политика и маленькое преимущество, как лич-

ности, как человека, который может очень грамотно и трезво посмотреть на себя со стороны. Это очень важно. Лучше недооценить, чем переоценить свои возможности. Для овнов, я овен, это очень тяжело – морально психологические потери на любом этапе своего развития.… Вот талии у меня нет и в этом вся грусть человечества…

– Анатолий Михайлович горестно выдохнул дым, сделавший его бесцветные глаза сизыми.

– Почему Вы уехали с Украины, если там карьера складывалась? Что произошло?

Он посмотрел на меня с сизым интересом:

– А ты действительно, неплохая журналистка. Чуешь, куда ветер дует в разговоре…

– Спасибо. Так что произошло? Что вас заставило уехать?

– История одна произошла. Влип я, в общем, в историю.…Отмечали какой-то праздник с моим товарищем, его дамой и подругой этой дамы. Я еще женат на Толиной матери был. Что ты так смотришь? Да, я никогда не был образцом нравственности!

– Никак я не смотрю. Просто внимательно слушаю.

– Хорошо. Ну, в общем, пили, ели, все культурно. Мой товарищ со своей дамой несколько раз уходили в комнату – пообщаться. Общались так, что в холодильнике водка чуть не разбилась, стена ходуном ходила. Снова пили, ели, танцы, анекдоты.…Потом товарищ пошел провожать свою даму, а подруга осталась у меня. Я и решил, что она тоже не против. Куда уж ясней то? Сама осталась. Но когда вошел в нее, она давай орать как свинья резаная, кровища у нее оттуда хлынула, соседи прибежали, милицию вызвали. Она заявление на меня подала, что я пытался ее изнасиловать с «особой жестокостью», как было написано – до сих пор помню, и порвал ей там все. В общем, жуть.… Ну и слава обо мне пошла нехорошая, городок то небольшой. Откупился, конечно, но уехать пришлось. Жена с сыном к своим подалась, а я в Москву. Так вот жизнь повернулась.…

Он встал, хрустнув коленями.

– Засиделся я.… Пойдем, поплаваем! – Он вышел и крикнул мне от бассейна «Водичка – что надо!»

Потом снова заглянул в столовую.

– Переодеться можешь в душе, если уж так стесняешься меня и голой не хочешь плавать.

Анатолий Михайлович перепахивал голубую гладь бассейна полными негнущимися руками. Седые усы залипали при каждом гребке на его раскрасневшихся щеках. Я хотела возмутиться, что он плавает без шапочки, но вспоминала, что бассейн его собственный.

Он поплыл кролем, вынимая из воды раскрытый рот, на котором как водоросль на гроте, повисала седая мочалка усов. В голубой воде его руки казались сиреневыми. Я старалась не мешать ему, но он норовил при каждом удобном случае прижать меня к кафельной стенке и облапать.

Я ушла в сауну. Он вошел следом и взгромоздился на полку в полотенце на бедрах.

– Хороша у меня банька, а?

– Ага.

– Виктор здесь хозяйничает. Встречал нас вместе с Аннушкой. Он у меня завхоз и за баню отвечает. Я люблю попариться. Он всегда протопит к моему приезду как следует! Золотой мужик!

– У вас все золотые.

– Людей надо любить! Тогда и они отвечают…

Мы посидели молча. Анатолий Михайлович покрылся испариной и скинул полотенце.

– Ух, хорошо! А ты чего в купальнике паришься? Синтетика, небось? Снимай, не съем я тебя!

Я сняла купальник. Анатолий Михайлович, скользнул по мне оценивающим взглядом и взялся рукой за член, который сразу исчез в его кулаке. Глядя на меня, он стал двигать кулаком вверх-вниз, почему-то шевеля при этом усами. Между большим и указательным пальцем появилась розовая головка с одним распаренным глазом.

– Тебе нравится моя залупа? – Тяжело дыша, спросил Анатолий Михайлович.

– Очень… Жарко. Я пойду в душ.

Стоя под прохладным душем, я почувствовала спиной его горячий живот.

– Я люблю таких как ты женщин, – пришлепал он мокрые усы к моей шее, – моложе – ничего не умеют и не соображают, старше – жопа уже жидкая и сиськи висят. А ты – самое оно!

– Знаете, если мы планируем работать, лучше воздержаться от…, – начала я, но официальный тон казался таким смешным… в голом виде, с его животом на спине.

– Да ладно тебе! – Пристроил он ладони на мою попу, – мне нужен близкий человек, во всех смыслах. Только тогда что-то путное может получиться. Я так считаю. Пойдем еще выпьем…

Мы вернулись к столу с лакированными ногами. Закуски сменились на новые, а тарелки на чистые, но рядом никого не было.

– О! Чудо! Меняю скатерть самобранку на аналогичную простынь! – Пошутила я старую шутку.

Анатолий Михайлович посмотрел на меня из-под влажных бровей и наполнил рюмку.

– У меня дом на Кипре. С прислугой. Я по полгода, с ноября по апрель, там нахожусь. В мае возвращаюсь. Люблю нашу весну. Нигде такой нет. Я вообще патриот, но зимой лучше там. Сейчас дела добью и туда. Поедешь со мной, там лучше пишется. Море, воздух, фрукты, девушки… море…, – Он замолчал.

– Два моря?

Его голова упала на грудь, выдав порцию храпа. Тоненького и протяжного, словно жалоба.

– Анатолий Михалыч! Вы заснули! Давайте я вам помогу?

– Ох, не беспокойтесь, Танечка! – Возникла вдруг Аннушка, – я сама, сама! У нас еще процедурки перед сном! А вы парьтесь, пожалуйста, купайтесь, кушайте! Чаек вам еще подогреть?

– Спасибо, не надо, я тоже спать пойду…

– И правильно! – Закивала Аннушка. – Утро вечера мудренее! Хороших вам снов!

Я поднялась наверх. Голубая комната цветом и температурой напоминала морозилку. Открытое окно напустило в комнату воздух ночного ноябрьского леса. Возле белой кровати работал электрический нагреватель, но теплее не становилось. Я погрела на нем ладони как Настенька из сказки «Морозко». Вопроса «тепло ли тебе девица?» не прозвучало, зато был слышен звук ласковой возни из спальни Анатолия Михайловича. Потом все стихло. Перспектива провести ночь в морозилке заставила меня выйти к людям.

– Анна! Вы здесь? – Тихо позвала я. Потом повторила громче. Никто не ответил. Теплый желтый свет из-под двери напротив дразнил теплом. Я постучала и приоткрыла дверь.

– Извините, пожалуйста! Вы не спите?

– Нет-нет, заходи! – Голый по пояс, хозяин возлежал на двуспальной кровати с книгой на волосатом животе. В комнате было жарко натоплено. – Что случилось?

– У меня дубак в комнате, Анатолий Михайлович! Можно меня куда-нибудь переместить?

– Дубак? Как так?

– Окно было открыто.

– Не может такого быть! А ну пойдем, посмотрю!

Он откинул одеяло, и пошел на меня в полосатых трусах по колено.

– Да…, – почесал он, зайдя ко мне, седую, словно заиндевевшую макушку, и громко крикнул в коридор: – Аннушкааа!

Гулкий коридор ответил тишиной.

– Ну, я завтра разберусь с этим. Знаешь, что.… Поздно уже перекладываться, ложись у меня. Кровать большая, места хватит.

Я с сомнением посмотрела на полосатые трусы.

Он ухмыльнулся.

– Да не трону я тебя! Не бойся! Ложись и спи. Буду храпеть – толкнешь!

Я с удовольствием почувствовала тепло мягкой постели и без удовольствия запах лекарств, чеснока и старости…

– Улеглась? Спокойной ночи! – Он погасил ночник и спустился ниже по подушке. Еще минуту он бил ее, придавая ей удобную для сна позу, и потом затих.

– Тепло? – Спросил он в темноте.

– Угу. Спасибо. Спокойной ночи…

Я лежала в чужой теплой постели и думала – не могла же эта Аннушка не понимать, что, открыв окно, она толкает меня к своему хозяину в постель. Зачем она это сделала? А может, это не она? Может, во время экскурсии по дому хозяин сам раскрыл окно, пока я разглядывала в коридоре копию Шагала с летающими людьми и глубокомысленными рыбами? Но когда я переодевалась, окно было еще закрыто! Когда он успел его открыть? Я стала восстанавливать события и вспомнила, что из бассейна он отлучался минут на пять.… Во! Сюжет закручивался как в настоящем детективе! Оставалось найти хладный труп и зацепку…

Цепкие пальцы пробирались ко мне между ног. Запах чеснока усилился.

– Впусти меня, – просипел Анатолий Михайлович, напомнив сказку «Чипполино». Только там был мальчик – луковка, а тут старичок – чесночок.

– Вы же сказали, только спать…

– Ну, мы быстренько и спать. Я хочу тебя!

Я вздохнула и сильней сжала бедра.

Он еще потыкался в меня чем-то мягким и неожиданно громко произнес:

– Ну что ты строишь-то из себя целку недотрогу?!? Тебе сколько лет? Ты девочка, что ли? Так пора уже!

В одной постели действительно глупо. Я молча приняла удобную для входа позу. Но зайти Анатолий Михайлович не мог. Его член складывался как забытая в холодильнике морковка. То в одну сторону, то в другую. Хозяин бился в меня животом и вонял чесноком, но морковке это не помогало.

– А чеснок на ночь полезно, что ли? – Поинтересовалась я.

– Бл*дь! Ты все испортила! – Отвалился Анатолий Михайлович. – Вот надо было сейчас это говорить?!? Он уже встал нормально! А ты ляпнула и все!

– Кто встал нормально? Ааа.… Ну, извините…
– Ладно, давай спать. – Он отвернулся, тяжело тряся кровать.

Утром пузатый силуэт на фоне штор запивал из стакана таблетки.
– Вам плохо?
– Да уж чего хорошего…, – пробурчал Анатолий Михайлович.
– Это из-за меня?
– Еще бы! – Ехидно ответил он. – Давление поднялось!
– А можно вернуть меня в Москву?
– Ты куда-то спешишь? Вернешься. Позавтракаем, потом заедем по делам, потом тебя отвезут. У меня здесь одна машина.

Столовая утром выглядела совсем не так, как вечером. Солнечный луч, пролезший между елок в окне, залип в банке с прозрачным медом. Лакированные ноги стола блестели, словно умытые. На столе томились в ожидании: оранжевый салат из тертой моркови, кремовый творог, снежные сливки, серый хлеб и загорелые булочки, желтое масло, коричневый сахар, дымящийся кофейник, один запах которого выбивал слюну. Глазунья тремя рыжими глазищами рассматривала стеклянную стену, рассеивающую невыспавшийся утренний свет.…

В бассейне фыркал хозяин. Потом он, вывалив живот, минут пять мучил тренажеры, после чего, пукая мокрыми шлепанцами, появился в столовой.

– Вот так должно начинаться утро интеллигентного человека, – произнес Анатолий Михайлович, капая с волос на стол. – А ты что не завтракаешь?
– Вас жду.
– Да ну.… Зачем тут лишние церемонии. Ну, давай, накладывай!
– А это морковка с чем?
– Это морковка необычная морковка! Это мне один писатель рецепт подсказал, до ста лет дожил, кстати! Берешь морковь, только хорошую, не вялую! Трешь ее на мелкой терке. Туда две столовых ложки хорошего тыквенного масла, и ложку хорошего меда! Очень важно, чтобы все было хорошее! Из говна пулю не слепишь! Вот такой простой рецепт, а пользы! Я уже много лет кушаю этот салат на завтрак. Каждый день обязательно! Аннушка делает. И потенция – молодой позавидует!

Аннушка в розовом халате тут же выросла перед хозяином.
– Греночки подавать? – Ангельски спросила она.
– А уже и греночки готовы? Ах, ты мое золото!
Аннушка зарумянилась и подала на стол такие же румяные гренки.
– Ты окошко открыла в голубой спальне? – Спросил Анатолий Михайлович.
– Окошко? Когда?
– Вчера вечером.
– А оно было открыто?!? – В ужасе всплеснула руками женщина.
– Да. Оно было открыто! Татьяна даже не смогла спать в этой комнате. Так там холодно было!
– Ой, ой! Вот голова садовая! – Схватилась за голову Аннушка. – Как же я забыла. Я открыла немножко – проветрить, чтобы свежий воздух был, а потом пошла в душе помыть, потом масло переливала, и забыла, значит, закрыть! Ай-яй-яй! Ну, как же я так! Как же вы? Замерзли, небось?
– Разобрались, не переживай, ладно. Но в другой раз повнимательней будь. А то простудишь мне моих гостей! А что масло перелила – молодец! – похвалил Анатолий Михайлович.

Аннушка растворилась розовым облаком, успев победоносно зыркнуть в мою сторону.

– В хозяйки метит? – Спросила я.

– Кто? Аннушка? Да неет! Я ее мужа от тюрьмы отмазал. Все равно, правда, разбежались. Он себе москвичку нашел, Анька же здесь безвылазно. Ей и жить-то негде. Вот у себя пригрел ее с дочкой. Она благодарная баба, старается…

– А я думала, вы женитесь на ней.

Анатолий Михайлович посмотрел на меня седыми бровями.

– Я на тебе женюсь. Будешь моей четвертой женой.

Я пожевала морковку с тыквенным маслом и медом, чтобы не сказать чего-нибудь лишнего. Сочетание, правда, вкусное…

– Мне нужно съездить в город по делам, ты поедешь со мной. Потом тебя водитель отвезет. А лучше оставайся. Я здесь, пожалуй, до вторника буду.

– Я подумаю.

– И о первом предложении тоже подумай. Недолго, – добавил Анатолий Михайлович, и кончики его усов поднялись вверх.

«Работает салат с морковкой» – отметила я.

Уютный городок, в который мы приехали «по делам», был слеплен из брусчатых мостовых и низких желтых домиков, слепыми окошками глядящих сквозь палисадники в прошлое. Когда-то в этих домах цвета уверенной охры жили купцы и разночинцы. Потом дома выцвели под солнцем равенства и осели от ругани новых жильцов. Сейчас за крашеными во все грустные оттенки желтого стенами, жили старухи и продавщицы магазинов: «продукты», «хлеб», «пиво воды» и магазина «сто мелочей». Других вывесок из окна машины не встретилось. Я удивилась, когда мы остановились у дома глупого желтого цвета с вывеской «Меховое ателье». Внедорожник припарковался возле двух залатанных жигулят – грязно-белого и цвета грязной морской волны. Жигулята поджали выхлопные трубы, отразив немытыми стеклами господина в бобровой шубе в сопровождении водителя и будущей четвертой жены.

Стенд с лицензиями в рамках и девизом «У нас клиент всегда прав!», отгораживал «предбанник» ателье от основного помещения. Оттуда уже орали: «Приееехааал!!!» и бежали к нам. Стайка щебечущих женщин окружила Анатолия Михайловича. Они хлопали крыльями, трясли ему руки, заглядывали в глаза, тыкались в мех бобра. Анатолий Михайлович с улыбкой скинул шубу на руки водителю.

– Жарко тут у вас, девочки! А где Нино?

Девочки расступились, и в щебечущий круг вплыла дородная брюнетка в высокой прическе, тесной юбке и распятых на груди красных маках.

– Здравствуй, дорогой! – Низким голосом с южным акцентом произнесла она.

– Здравствуй, золото мое! – Анатолий Михайлович обнял брюнетку, насколько позволяли его живот и ее выпирающие маки.

Возглавляемая брюнеткой стайка с Анатолием Михайловичем внутри перемещалась от образцов меха к образцам кожи, от стенда с фурнитурой к примерочным и обратно. Одна из птичек с улыбкой подпорхнула ко мне.

– Татьяночка, вы не заскучали у нас?

– Нет, ну что вы! У вас тут так интересно!

– Меня тоже Татьяна зовут, – похвасталась она.

– Очень приятно.

– Вы уж простите, что оставили вас без внимания. Анатолий Михайлович такой важный гость у нас! Я в полном Вашем распоряжении! Наше ателье лучшее в районе! Мы шьем по итальянским каталогам и лекалам. Вещи получаются ничуть не хуже ихних, но намного дешевле.

– Бобровую шубу у вас шили?

– Да, да, да! – Обрадовалась женщина. – Идет ему, правда?

– Да, очень.

– Это североамериканский бобр, очень редкий. Специально для Анатолия Михайловича заказывали. Мы наших постоянных клиентов очень любим! Вы взгляните на образцы!

Она раскрыла каталог, где с каждой картонной страницы свешивался лоскут меха, бывший некогда редким зверем. В другом каталоге полуголые загорелые женщины демонстрировали шубы – наброшенные на плечи, спадающие к ногам, распахивающиеся при движении к красивой жизни… Они и не догадываются, что такое «дубак», – с завистью подумала я.

– Вы можете подобрать модель и оплатить только пятнадцать процентов, мы мерочки сразу снимем, и, когда вам будет удобно, подъедете на примерочку и денежку довезете, – обрабатывала меня Татьяна Ательеговна.

– У меня что-то глаза защипало. Я, пожалуй, выйду на воздух…

– Конечно, конечно! Это часто бывает. Мы же тут сами стрижем мех и красим, у многих такая реакция. Это аллергия небольшая у вас. Ничего страшного!

Я вышла на пустынную улицу с грустными желтыми домами. Черный внедорожник, два убитых жигуленка и курящий под вывеской «Меховое ателье» водитель. Больше никого.

– Это надолго? – Спросила я водителя.

– Часа на два, – равнодушно ответил он.

– А здесь есть, что посмотреть?

– Неа…

– Что, совсем? Город то старый…Может, церковь? Или особняк?

– Церковь есть, но далеко пешком.

– А рядом?

– Рынок только у автобусной станции. Там палатки есть какие-то.

– Это где?

– Через две улицы направо. Можно дворами пройти. Спросите там рынок, все покажут.

– Через два часа вернуться?

– Лучше раньше. Он не любит ждать…

Рынок представлял собой рядок укутанных бабок, торгующих на перевернутых ящиках всем подряд – семечками в газетных кульках, шерстяными носками, кривыми солеными огурцами «без химии рОстила», поздними грибами «на супец и на жарешку». Больше половины ящиков уже пустовало. Ветер шевелил обрывки газет на залатанной асфальтовой площади с околевшим ржавым флагом расписания автобусов. Я, в сапогах и пальто, отличалась от местного телогреечного населения как загорелые девушки в спадающих с плеч шубах от работниц мехового ателье. Или как черный внедорожник от жигуленка цвета грязной морской волны. Грязно-белого уже не было, когда я вернулась.

– Почему ты ушла? – Недовольно спросил в машине зацелованный до бровей Анатолий Михайлович. – Моя женщина должна быть со мной!

– Может, я не ваша женщина?

Водитель скосил на меня удивленный взгляд и снова уткнулся в дорогу. Мы выехали из городка на шоссе. Караул стылого леса по обеим сторонам дороги держал голые стволы ружей строго вертикально.

– Останови здесь. – Приказал водителю хозяин возле палатки с мирной надписью «Хлеб».

Из палатки выбежала женщина в белом халате поверх куртки и принялась кланяться и что-то быстро говорить. Я приоткрыла стекло машины. «… Я уж и спрашивала о вас… другого такого нет человека…аж сердце зашлося как увидела… дай вам бог здоровья… молюсь на вас, спаситель вы мой…. заходите почаще, всегда рады….» – донеслось до меня. Она бегом вернулась в палатку и стала что-то выгружать в пакет Анатолию Михайловичу. С полным пакетом он вернулся в машину, сел, подобрав полы шубы.

– Выпечка хорошая здесь. Молодец, баба. Сама печет, сама продает, не халтурит.

– За что она вас благодарила?

– Ааа.… Да, ерунда. Дело прошлое. С бандитами местными договорился и ментами, чтобы не трогали ее. Она честно работает, и так еле концы с концами сводит.

Встречали нас по уже знакомому сценарию: огромный черный Малыш басил «вау», розовела Аннушка, сутулился завхоз Витя, скрывая радость за скупым рукопожатием. На этот раз обошлось без мытья ног. В гостиной журчали фонтаны, зеленела зелень, сверкали люстры и светильники в одном витиеватом стиле, кованые перила лестницы заплетали ступени спиралью, отражаясь в зеркалах…

– Красиво у вас тут, – похвалила я. – Со вкусом таким сделано и с любовью, видно.

– Это все по моему проекту. Сам рисовал, материалы выбирал, заказывал сам. И не так дорого. Есть намного дороже проекты. Но можно быть богатым и жить убого, можно наставить мрамора, золота, плакать будет хотеться в этом помещении.

– Согласна.

– Сядь поближе. Что ты так далеко от меня забралась…

Я села на подлокотник дивана, где, уместив живот между ляжками, развалился Анатолий Михайлович. Он потянулся ко мне, запустил руки под джемпер, нашел грудь, помял. Потом потыкал пальцем между ног, где по его убеждению под джинсами располагался клитор, нажал несколько раз, как на кнопку, посмотрел на меня.

– Ты не хочешь меня?

– Честно? Нет.

– Спасибо хоть честно…, – оскорбленно произнес он и встал.

Он походил по гостиной, сунул руку в фонтан, проверил давление и температуру струи, резко повернулся в мою сторону:

– Шейка скоро у тебя морщинистой станет. Она уже начала. Пока ты выглядишь ничего, а шейка-то всегда возраст выдает. И фигурка пока в норме, но сколько ты еще пропрыгаешь? Ну, года три-четыре от силы, а потом все, жопа жидкая, сиськи как уши у спаниеля. И никому не нужна. Будешь предлагать себя, а желающих не найдется!

– Почему как у спаниеля? Есть и другие вислоухие животные.

– Я тебя не удовлетворяю? А ты подбери себе фаллоимитатор, я оплачу.

– Анатолий Михайлович, а почему вы со мной в таком тоне разговариваете? – Да потому что я здесь бог! Если ты так и не поняла. И второго такого предложения у тебя никогда не будет! Ни-ко-гда! Ни на какой Кипр ты конечно не едешь. Мы или спим и пишем или не спим и не пишем!

– Можно меня в Москву отправить?

– Хоть сейчас.

– Будьте любезны.… И спасибо за гостеприимство.
– На здоровье.

Он стал подниматься по лестнице, тяжело опираясь о перила толстыми пальцами в золотых печатках.

В зеркалах появилась Аннушка с таким лицом, какое бывает лишь в двух случаях – когда сбываются мечты и когда успевают добежать до туалета.
– Танечка, вам помочь собрать вещи? – Елейно пропело лицо.
– Помогите раскидать, – пошутила я.

В следующие выходные мы с Мариной снова пила чай на ее маленькой кухне. Об Анатолии Михайловиче не говорили, пока Марина не спросила:
– Ты ездила к Пихалычу то?
– Ездила.
– А что молчишь, не рассказываешь? Обидел он тебя?
– Нет. Сказал честно – или спим и пишем или не спим и не пишем.
– Вот кобель! Я уж думала, отсохло у него всё!
– Он масло тыквенное ест, смазывает.
– Я, честно говоря, знала, что ничего не выйдет.…
– Почему?
– Он мне как-то чай подарил. Такое дерьмо! А хороший человек плохой чай подарить не может!
– Да…
– Ну и не расстраивайся! На наш век графоманов хватит!
– Наливать?
– Подожди, заварится…

Уголовник

– Здарова, журналистка! – Задорно начал незнакомый мужской голос в трубке.

– Здрасьте…

– Как дела?

– А вы, простите, кто?

– Конь в пальто! – Ржануло парнокопытное. – Да не знаешь ты меня, не напрягайся. Фотку твою видел, мелкую, правда, статейку прочел. Бойко пишешь.

– Спасибо. А телефон кто вам дал?

– Дали. Мне всегда дают! – Хвастливо фыркнул конь.

– И чем, простите, обязана?

– Тема есть. Чисто для журналиста. Надо встретиться, обкашлять. Завтра нормально тебе? Часов в семь. На Автозаводской есть кафешка у метро.

– Тема о чем? По телефону можно объяснить?

– Не, по телефону нельзя. Это не объяснишь, нужно на пальцах показать. Подъезжай завтра.

– Подождите, а с чего вы взяли, что я буду с вами встречаться? Вы ничего не перепутали? – Возмутилась я.

– Слушай, я не всем журналисткам звоню, раз, и «нет» – это мужское слово. Женщина должна всегда отвечать «да». Умная – разберется, что привалило и использует с выгодой для себя, дура – упустит шанс. Ты же умная!

Я оценила логику и ответила:

– Ну, хорошо. А как я вас узнаю?

– Узнаешь. Я красивый. – Хмыкнул голос. – Колей меня зовут. Можешь приехать с диктофоном? Мой менты при обыске слямзили.

– Ладно, Коля. Приеду с диктофоном.

В назначенное время я крутила головой в кафе на Автозаводской в поисках коня в пальто с именем Коля. Из середины зала мне улыбался и махал очень красивый мужчина с решительными скулами и глубоким взглядом. Он ничем не напоминал парнокопытное в верхней одежде, скорей иностранного киноартиста формата «брутальный любовник». Я всмотрелась внимательней. Одет не по сезону – светлый летний пиджачок, а на улице «не май». На лице «маска» из правильных черт и общительности, за которой амбициозность и обозленность. Энергетика тигра в пижаме…

– Это вы мне звонили? Вы – Коля? – Подошла я к нему, продолжая не верить первому впечатлению.

– Я, я, привет! Что? Нравлюсь?

– Просто такое несоответствие внешности и голоса.… Уже интересно!

– Дальше будет еще интересней! – Ухмыльнулся он.

– Присесть то можно?

– Присесть мы всегда успеем! – Заржал Коля знакомым голосом, и я окончательно признала телефонного коня.

Мужчина закурил, сощурив от дыма внимательные карие глаза. Красивые, как и все в нем.

– Куришь? – Спросил он.

– Нет.

– Серьезно? Извини, – он отогнал дым рукой. – Думаю, мы сработаемся. Что-то есть в тебе. У меня нюх на людей.

– А что за работа?

– Работа? Да разная… Я откинулся. Нужна подруга. Боевая. Веселая, компанейская, авантюрного склада ума, легкая на подъем!

– Откинулся куда? – Не поняла я.

– Не куда, а откуда. С зоны. Зона – моя жизнь. Я вытаскиваю оттуда людей. Помогаю людям.

– Всем?

– Нет, только хорошим! У кого деньги есть! – Он обаятельно улыбнулся ровным рядом хороших зубов.

– А у кого нет? Что им делать?

– Находить. – Усмехнулся Коля. – Я не мать Тереза. Это бизнес. Каждой шавке надо дать. Шавка крупней – кусок жирней. А зона, она корежит всех. Она рушит мир человека. Резко исчезают друзья, коллеги, знакомые, родственники. Ты оказываешься всем чужой, а чужие проблемы никому не нужны. Ты один на один с волками. Даже если кто-то тебя ждет. Человеку на зоне тяжелее, чем тем, кто ждет. Люди, чтобы выйти оттуда, чтобы просто там не сдохнуть, готовы отдать все! Я сам такой был. Не в интернете почитал! Так что, можно сказать, образование у меня высочайшее…, – его желваки заходили под смуглой кожей чисто выбритых скул. – Такие дела…

– А вы за что сидели?

– Слушай, хорош выкать! – Нахмурился Коля. – Я понял, ты меня уважаешь, но напрягает.

– Хорошо. Ты за что сидел?

– По 241.

– Это что?

– Организация борделей. У меня первая сеть борделей в Москве была. Объявления в газетках, телефончики, квартирки, мамочки, все работало как часы. Девочек сам набирал! Такие девочки были! Ммм, – он закрыл глаза и покачал головой. – Конкурент сука сдал! Но я его уже отблагодарил. Больше он мне не нагадит. А были друзьями когда-то.… Так то, журналистка, жизнь она журналов не читает…, – он выдохнул дым в сторону и отогнал рукой. – И подруга у меня была. Мы с ней дела делали. Классная девка. Ирка. Вот вместо нее тебя хочу.

– А она где?

– Сидит. Ей еще год.

– Ну, выйдет же… Год это мало.

– Когда выйдет, тогда и разговор будет. Год на зоне это очень много.

– А почему ее не вытащишь?

– С ней сложней. Ладно, не важно, давай о деле.

– Послушай…, – вздохнула я, – я ничего не имею против, но честно, как то не хочется связываться с уголовниками. Прости за откровенность.

– Да ладно! Откровенность – это хорошо…, – он затянулся. – Чистенькой значит, хочешь быть? – Коля потряс сигаретой в пальцах. – Вот все вы такие, которые не нюхали! Носопыру сморщат – фи, уголовник! А вы знаете, какие там люди сидят! Интересовались хоть раз? Кухня-офис-унитаз – вся ваша жизнь! Это вы все в зоне сидите! Своих иллюзий! Своих обывательских представлений! Своих мелких шкурных страхов! Всю жизнь сидите! Ты показалась мне другой. Я ошибся? Я не люблю ошибаться! – Он мотнул головой, его зрачки сузились. – Короче. Я никого уговаривать не собираюсь. Да или нет?

– Да. – Согласилась я, успев подумать, что буду умной: влезу, а там разберусь, что привалило.

– Так-то лучше, – спокойно сказал Коля. – И не бойся меня. Я тебя не обижу. Будешь со мной – у тебя все будет!

– Я не боюсь.

– Ну и ладненько.… У тебя что сегодня со временем?

– Есть пока.

– У меня здесь квартирка недалеко. Пойдем, посмотришь, как я живу, поговорим нормально. Не люблю я людные места. Бабы пялятся, мужики нервничают, разбирайся потом, – он скосил глаза влево, и я взглянула, куда он показывал.

Через стол от нас Колю в упор рассматривали две крашеные блондинки, перестав жевать, что, видимо, означало крайнюю степень заинтересованности. Рядом с ними багровели два мужика. Один в олимпийке, другой в клеенчатом пиджаке.

– Штаны что ли мне на морде носить! Что ж так бабы на картинку-то падки! – Хмыкнул Коля. – Слушай, пойдем, а? Пока эти два помидора не кинулись на меня с вилками. Они уже вон в низком старте. Только драки мне сейчас не хватало в общественном месте.

Я медлила, с сомнением глядя на красавца-уголовника.

– Да не буду я к тебе приставать! Не крути глазищами-то! – Досадливо поморщился он. – Посидим просто по-человечески. У меня все есть дома. Кофе-шмофе, холодильник битком…

Выйдя из кафе, Коля манерно подбоченился, исказив лицо галантностью:

– Позвольте предложить вам ручку, мадам!

У него и походка была кинозвезды, шагающей по красной дорожке в Каннах, фактурного независимого красавца, не зависящего даже от погоды и поэтому одетого в летний пиджак в осенний холод. На ощупь его рука казалась субтильней, чем выглядела. Под руку, словно супружеская пара, мы подошли к хорошему кирпичному дому в тихом сквере.

Коля открыл дверь квартиры, пропустил меня вперед.

– Не разувайся. Мне нравятся женщины в туфлях, – сказал он сзади.

Типовая советская «трешка», переделанная в квартиру-студию, соответствовала моде десятилетней давности.

– Я снес стену и объединил кухню с залом, когда еще никто так не делал! – Похвастался Коля. – Сейчас хочу обратно все переделать. По-модному. Пока не определился со стилем. Выбираю между хай-теком и провансом. Тебе что больше нравится?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.